

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРЫ РОМАНА ИНГАРДЕНА

Елена А. Тимошук

*Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
Владимир, Россия*

Ключевые слова: феноменология литературы, эстетика, интенциональность.

Аннотация: Читателю предлагается обзор идей феноменологии литературы Романа Ингардена. Автор статьи исходит из позиции, что этот теоретический подход ещё не исчерпал себя, и актуализирует его как средство межкультурной коммуникации. Основоположник феноменологии литературы, польский философ Р. Ингарден известен прежде всего своей интерпретацией художественного произведения как особой формы бытия. Геополитическое положение Польши способствовало рецепции европейской философии, становлению национальных мыслителей, известных за рубежом. Р. Ингарден решает вопросы онтологии, сознания, эпистемологии, метафизики, этики, аксиологии на примере феноменологии литературы. Мыслитель стремится вывести учения об актах сознания на более реалистические позиции и поэтому обращается к литературному произведению как к примеру многослойности сущего. Р. Ингарден вводит такие характеристики социокультурных объектов, как интенциональность, точки неопределенности и конкретизация, что позволяет рассматривать феноменологическую методологию Ингардена как многогранный подход к анализу текста в культуре.

THE PHENOMENOLOGY OF LITERATURE BY ROMAN INGARDEN

Elena A. Timoschuk

*Vladimir branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Vladimir, Russia*

Key words: phenomenology of literature, aesthetics, intentionality.

Summary: The reader is offered an overview of the development of Roman Ingarden's phenomenology of literature. The author of this paper proceeds from the position that this theoretical approach has not yet exhausted itself and actualizes it as a means of intercultural communication. Polish philosopher R. Ingarden is known primarily for his interpretation of a work of art as a special form of being. The geopolitical position of Poland contributed to the reception of European philosophy, the formation of national thinkers known abroad. Ingarden solves questions of ontology, consciousness, epistemology, metaphysics, ethics and axiology on the example of the phenomenology of literature. The thinker seeks to bring the teachings on the acts of consciousness to a more realistic position, and therefore refers to a literary work as an example of the layering of the being. R. Ingarden introduces such characteristics of sociocultural objects as intentionality, points of uncertainty and concretization, which makes it possible to consider his phenomenological methodology as a versatile tool for analyzing text in culture.

Введение

Феноменология – это философское учение о сознании и его связи с обществом и миром. Она имеет длительную предысторию, связанную прежде всего с такими именами как Платон, Р. Декарт, Д. Юм, И. Кант, И. Фихте, Г. Гегель, Ф. Brentano. Новый этап в развитии феноменологии в начале XX в. открывает Эдмунд Гуссерль, систематически развивший это направление до влиятельного течения в Европе. Множество учеников и последователей Гуссерля осуществили актуализацию феноменологии в разных областях гуманитарного знания. Польский ученик Роман Ингарден реализовал сложный проект по синтезу литературоведческих, общелингвистических и эстетических штудий под брендом феноменологии, расширив тем самым феноменологическое поле до транскультурных рубежей. Благодаря Ингардену и его польским ученикам, феноменология вышла за пределы узкофилософского подхода и приобрела статус междисциплинарного метода толкования социокультурных феноменов. Новизна работ Р. Ингардена заключается в том, что литература и жизнь, сознание и мир, философия и филология сплетаются у него в одну феноменологическую программу.

Цель этой статьи – реконструировать феноменологическую концепцию литературы Р. Ингардена как оригинальную философскую

теорию, развивающую онтологические, гносеологические и эстетические идеи школы Э. Гуссерля. Для этого необходимо:

1) описать философское становление Ингардена и развитие им самобытных, во многом отличных от гуссерлевских, феноменологических взглядов;

2) прояснить онто-социальные аспекты феноменологической теории литературного произведения, а также проанализировать ключевые концепты литературной феноменологии Р. Ингардена, выявляя их методологический потенциал;

3) представить эвристическое значение теории литературы Ингардена в решении проблемы бытия общих и пустых понятий.

Становление феноменологии литературы

Широкий круг проблем, связанных с динамикой культурных традиций (межкультурная коммуникация, ассимиляция культурных заимствований, проблема перевода культур), – это тема социокультурной феноменологии, истоки которой восходят к творчеству выдающегося польского философа Р. Ингардена.

Роман Витолд Ингарден родился 5 февраля 1893 г. в Кракове. Его отец, также Роман Ингарден, был инженером, а мать, Витослава Радважска – учителем. Среди предков Ингардена были врачи, архитекторы, артисты (Ogrodnik, 200: 12–28). Таланты Романа Ингардена-младшего проявились еще в детстве. В 1909 г. он окончил консерваторию во Львове по классу скрипки. В раннем возрасте Роман принялся вести дневник, где фиксировал различные философские дилеммы, которые его будоражили в то время. Он также увлекался поэзией. Начальное и среднее образование будущий философ получил во Львове. Осенью 1911 г. Р. Ингарден поступил в Львовский университет Иоанн Казимира. Он выбрал философию в качестве своего увлечения, а математику и естественные науки для того, чтобы иметь возможность зарабатывать преподаванием. Первым учителем философии Ингардена стал Казимир Твардовский, выдающийся польский методолог и педагог того времени. Твардовский был сторонником антипсихологизма в литературе, субъективность у него растворяется в семиотическом пространстве языка.

Польская традиция философии тяготела к логицизму. Линию Казимира Твардовского продолжили Ян Лукасевич, Станислав Лесневский, Альфред Тарский и Тадеуш Котарбинский. Они ориентировались на позитивизм венского кружка, и поэтому фигура Р. Ингардена стоит особняком в польской философской традиции, т. к.

Ингарден переосмыслил массив социокультурного знания и дал ему феноменологическую интерпретацию, интегрировав в своем исследовании эстетику и онтологию литературного произведения.

По совету своего учителя К. Твардовского Р. Ингарден перебирается в Гёттинген, к Э. Гуссерлю, который уже получил тогда должность экстраординарного профессора. Помимо философии и психологии Р. Ингарден изучал математику под руководством Д. Хуберта и психологию под началом Г.Е. Мюллера (Gołaszewska, 1993: 3–12).

11 мая 1912 г. Р. Ингарден впервые встретился с Эдмундом Гуссерлем, записался на его семинары и лекции. Он целиком прошел курс «Теория суждения» на протяжении 4 семестров и выбрал Э. Гуссерля своим научным руководителем для написания дипломной работы. Гуссерль одобрил тему работы – «Природа личности», но для ее разработки дал пять лет. Не имея возможности провести так много времени в университете, Р. Ингарден предложил альтернативную тему – «Интуиция и интеллект у Бергсона». В 1916 г. Э. Гуссерль переезжает во Фрайбург, и Ингарден следует за ним. Там он становится основным приверженцем и собеседником Гуссерля. Они обсуждают темы истоков чувственного познания и идентичности чистого «эго». Эти диалоги позволили Э. Гуссерлю донести до ученика свое понимание, но одновременно высветили дистанцию Р. Ингардена по отношению к идеалистической интерпретации Гуссерлем.

Ингардена, как и других молодых последователей Э. Гуссерля, занимает вопрос о сущности вещей. По Гуссерлю, наши интенциональные акты и есть причина вещей. Р. Ингардена не устраивает такой радикальный субъективизм и идеализм. Более того, интенциональность у Ингардена, привлеченная из области искусства, оказывается чем-то большим, нежели просто порождением сознания. Э. Гуссерль в «Логических исследованиях» онтологизирует математику и логику. Р. Ингарден идет еще дальше, обнаруживая онтичность в текстах «фикшн».

Ингарден разработал оригинальную философскую концепцию, основанную на онтологической системе плюральности слоев бытия, которая помогает сформулировать новую модель коммуникации социальных агентов. В онтологии Р. Ингардена, помимо реального бытия вещей, идеального бытия математических конструктов и абсолютного бытия теологии, существует интенциональный мир социокультурных объектов, порожденных проективностью сознания, потребностью в самовыражении, идентификации (художественные

герои, социальные ожидания, этнические представления, религиозные убеждения, медиа-продукты). Это также существование вымышленных героев, сюжетов, порожденных интенциональным сознанием, в том числе и в медиа-реальности. Идея интенционального бытия подробно развернута у Р. Ингардена в работе «Литературное произведение искусства: исследование границ онтологии, логики и теории литературы» (1931), однако результаты исследования можно широко использовать в культурологии и теории коммуникации.

Теория литературного произведения Ингардена уникальна. Он стремится выдержать средний путь между релятивизмом и эссенциализмом и представить такое феноменологическое описание идентичности субъекта, воспринимающего текст, которое бы учитывало различия в интерпретациях и оценочных суждениях различных жизненных миров.

Не только в своем опусе, но и в университетском преподавании, которое стало доступным для Р. Ингардена с 1933 г., он интегрировал теорию литературы, эстетику, эпистемологию, онтологию и этику (Majewska, 1995: 50–61).

Художественная литература у Ингардена – это не просто вид словесного творчества. Он предлагает нам взглянуть на разнообразный опыт художественного творчества как на феноменологическую практику, изменяющую наше восприятие нас самих и тех миров, в которых мы живем. Недопустима ни абсолютизация литературы, ни ее релятивизация. Художественные тексты опосредуют функционирование жизненных миров и социокультурных систем и поэтому обладают своим аксиологическим измерением.

Эстетика Р. Ингардена описывает произведение искусства и сознание воспринимающего как онтогносеологическую социокультурную схему взаимодействия, где герой и сюжет – интенциональные объекты, а сознание читателя – многослойный набор перцептивных сценариев. Эстетический объект возникает на стыке этих планов читательского сознания как социокультурная конкретизация сказанного и несказанного автором. Поэтому эстетический объект далек от завершения. Он открывается заново каждым последующим поколением воспринимающих литературное произведение. В этом и заключается феноменологический реализм Ингардена, где романтизм, символизм, натурализм, соцреализм выступают как специфические социокультурные конкретизации художественного творчества. Интенциональную онтичность

произведения составляют его разнообразные метафизические идеи и эстетические качества.

Многослойность в феноменологии литературы

Реальные объекты могут перестать существовать из-за влияния иных реальных объектов, но их экзистенциальная устойчивость более длительна. Интенциональные объекты обладают наименьшей экзистенциальной инерцией: они могут исчезнуть без всякого внешнего воздействия, если их просто забывают. На социокультурные объекты распространяются определенные социальные ожидания, что нельзя сказать о материале, из которого они изготовлены. Если мы возьмем такую же ткань, как и на флаге, но не придадим ей социокультурного статуса, она не будет существовать как флаг. Таким образом, существование социокультурных объектов зависит не от одного сознания, а от согласия нескольких. Интенциональные объекты поддерживают свое существование intersubjectively – за счет коммуникативного согласия, которое хранит параметры целостности интенциональных объектов. Благодаря знаковым системам, интенциональные объекты становятся публичными, доступными для ознакомления/оценки/изменения.

Интенциональное и идеальное бытие имеют сходства и различия. Идеи и чисто интенциональные сущности обладают своей структурой и содержанием; однако идеи конституируются константами и переменными, а интенциональные сущности – знаковыми пустотами («точками неопределенности») (Тимошук, 2008: 334–337).

Р. Ингарден обратился к литературным произведениям как к примеру объектов, наиболее богатых по числу точек неопределенности. Слои произведения образуют огромное количество ситуаций для конкретизации. Медиа-продукт – это также подходящий пример точек неопределенности, т.к. он представляет собой совокупность сказанного и несказанного. Требование полноты информации порождает идею разработки серии информационных поводов, которые подогревают интерес и покупательную способность. Таким образом, каждый раз мы получаем схематическое отражение реальности в медиа-продукте или в узловых моментах его актуализации. Медийный артефакт есть смысловая репрезентация, еще не завершенная в своей интерпретации. Это эстетический объект, содержащий множество «незаполненных мест». Продолжая свою жизнь во времени, он постоянно подвергается субъективной конкретизации или индивидуальному «развертыванию» объекта,

нахождению нового горизонта смыслов. Одна и та же новость рождает разные актуализации ее содержания, соотношения с прошлым, варианты развития будущего, в зависимости от политических предпочтений интерпретатора.

Многослойная онтология Р. Ингардена является актуальной культурологической парадигмой, поскольку сейчас мы имеем дело с растущей социальной неоднородностью. Разнородность социокультурных объектов связана с их схематичностью, неопределенностью для индивидуального сознания. Каждый эстетический объект насыщен «точками неопределенности» или связан с узловыми моментами актуализации артефакта. Книга, архитектурный ансамбль, танец, картина, кинофильм – всё это смысловые репрезентации, не завершённые в своей интерпретации. Это объекты, содержащие множество «незаполненных мест». Производство искусства, продолжая свою жизнь во времени, постоянно подвергается субъективной конкретизации или индивидуальному «развертыванию» эстетического объекта, находению нового горизонта смыслов.

Проблема многослойности, многомерности объекта искусства составляет также важнейшую часть социокультурной теории. Она находится на стыке эстетики, феноменологии, а также учения о бытии. Эстетику интересует качество и содержание объекта, феноменологию – сама явленность его существования, модальности его бытия. Н. Гартман полагал, что проблема искусства укоренена в онтологии. Эстетика и онтология обогащают друг друга. Онтология раскрывает специфику бытия произведения искусства, а эстетика проливает свет на структуру онтологии. Достаточно необычная смесь онтологии и эстетики была отличительной чертой нескольких феноменологов: М. Гайгера, Т. Конрада, Н. Гартмана, Р. Ингардена. При этом для Ингардена характерна еще и интенциональная социокультурная интерпретация искусства.

Р. Ингарден применил идею многослойности при анализе эстетических объектов: произведений литературы, архитектуры, живописи, музыки. Особую трудность для Ингардена составило решение вопроса о количестве слоев в музыкальном произведении или в абстрактной живописи, с которой он познакомился во время написания своего первого эстетического исследования в Париже.

Многослойность позволяет по-иному рассмотреть образовательный и социокультурный эффект произведений искусства, динамику их смыслообразования. Так, литературные тексты имеют несколько уровней прочтения: фонетический, грамматический,

смысловой, моральный, духовный. Причем если первые слои достаточно жестко и однозначно фундированы, то последующие, начиная со смыслового, имеют более свободные интертекстуальные ассоциации. Однако использование многослойности как образовательного и ценностно-смыслового ресурса в искусстве возможно лишь при владении контекстом произведения. Диалоги, аллюзии, юмор героев литературного текста можно понять, только зная обстоятельства происходящего. Так, А.С. Пушкин представил панораму российской жизни начала XIX в., и сейчас, чтобы понять все отсылки этого гениального произведения, нужно читать комментарии литературоведов. Произведения искусства, которые построены на многослойности и контекстуальности прочтения, становятся понятны при длительном педагогическом усилии, создающем холистические образы.

Р. Ингарден – это ключевая фигура в социокультурной интенциональной феноменологии. Он восстановил онтологическое многообразие на примере произведений искусства, обогатив наше понимание специфики восприятия «бытийно» нагруженных объектов, таких как произведения искусства и другие социокультурные объекты (храм, флаг, гимн и др.). Методологический аппарат Р. Ингардена (многослойность объекта, конкретизация точек неопределенности), сформированный для анализа прежде всего литературных произведений, с успехом может быть использован не только по отношению к другим произведениям искусства – архитектуры, музыки, кино, живописи (что делал и сам автор), – он может быть применен и в теории культуры; он прекрасно работает в области общей теории онтологии культурных объектов, таких как государственные и религиозные символы, ландшафты, исторические фигуры, этноконфессиональные, правовые отношения и др. Поэтому многослойное прочтение объектов культуры является фундаментом гуманитарного образования, позволяющим раскрывать социокультурные взаимодействия как полионичные, многозначные и динамичные явления. Преимущества предлагаемого метода заключаются в гносеологической экономии и нахождении продуктивных связей между художественным творчеством и социальными практиками.

Ингарден на примере символического мира художественной литературы смог добиться интерпретации философских проблем онтологии, гносеологии, эстетики, антропологии, этики. Он заложил основы интенциональной феноменологии религии, которую продолжили развивать А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман. Ряд его

положений носит концептуальный характер: феноменологический реализм в дилемме материального и идеального, обоснование интенционального бытия как особого домена социокультурных объектов, конкретизация точек неопределенности; консолидация эстетического и онтологического в феноменологии.

Вследствие того, что в феноменологии делается упор на исследовании актов сознания, Э. Гуссерль не занимался конкретно социальными или культурологическими явлениями. Р. Ингарден выводит феноменологию на более реалистические позиции и потому рассматривает социокультурные объекты как примеры многослойности бытия. Он также вводит такие важные характеристики социокультурных объектов, как интенциональность, точки неопределенности и конкретизация. Интенциональность означает, что произведения искусства, установки морали, религиозное мировоззрение, право генерируются и поддерживаются направленно участниками коммуникативного жизненного мира. При этом социокультурные нарративы и тексты имеют много пробелов или точек неопределенности, которые «заполняются», конкретизируются самими участниками социально-исторического дискурса. Этот инструментарий был разработан Р. Ингарденом для изучения региональных онтологий: бытия искусства, культуры, науки. Р. Ингарден описывает бытие, выделяя социокультурные объекты в отдельный интенциональный домен.

Говоря о природе интенциональных объектов, не следует забывать, что их зависимость от сознания не перечеркивает их физическую составляющую. Книга, картина, икона, церковь и т.п. не перестают существовать как материальные объекты, они соотносятся со своим интенциональным образом в общественном сознании. В понимании природы таких объектов нам помогает концепция многослойности бытия. У Ингардена все социокультурные и эстетические объекты существуют как интенциональные (поддерживаемые направленностью сознания участников), в отличие от идеальных (число, точка, линия) или физических (звезды, планеты, океан).

Социокультурные объекты имеют тесную связь с материальной основой. Так, если картина не сохранилась и не осталось ни одной копии, то по мере того, как стирается социальная память об этом объекте, вслед за материальным прекращается и ее интенциональное существование. Внешние физические параметры – звуковые волны, краски и прочие материалы – являются каркасом для поддержания интенциональной устойчивости социокультурного артефакта. Однако Р. Ингарден проводит тонкую грань между физическим носителем и

интенциональным объектом: восхищение вызывают не буквы, а литературное произведение; то есть, даже если бы сохранился физический объект, но при этом не было бы направленности сознания, то сущность интенционального объекта не сохранилась бы.

Литературные тексты являются не только физическими объектами. Их физические характеристик могут не совпадать с «культурным» телом. По словам Михаила Булгакова, «рукописи не горят». Это можно понять так, что «сильные» тексты создаются общественным резонансом. Если бы рукопись была уничтожена, как и сам автор, то кто-то другой создал бы нарратив. Так, А.И. Солженицын получил множество писем от бывших узников лагерей, мемуары которых и составили содержание произведения «Архипелаг ГУЛАГ». Существование памяти о политических репрессиях зависит от общественного сознания. К примеру, проект «Бессмертный барак» (bessmertnybarak.ru) в интернете поддерживается одиночками-энтузиастами, которые просят пожертвования на продолжение «увечивания памяти каждого невинноубитого и неправомоносужденного». Интенциональность современного общества находится под постоянным медийным прессингом, и меморизация судеб лагерных заключенных сталкивается с трудностями. Сакрализованная цель – вспомнить о каждом – угнетается катком новой информации и текстов. Существование в культуре подвига политических заключенных зависит от историко-медийных процессов памятования. Феноменологическая интенциональность дает прагматичный ответ на вопрос о причине дивергенции смысловой сущности и существования материального объекта в связи с дифференциацией интересов жизненных миров участников социокультурной коммуникации.

Разрешающая способность категории *интенциональное*

Актуальность феноменологии литературы обусловлена продолжающимся кризисом гуманитарного знания. Объект познания усложняется, методология становится более комплексной, однако при этом сущность человека и мира остается всё такой же неуловимой, как достижение черепахи Ахиллесом в апории Зенона. Феноменология литературы, развитая Р. Ингарденом и его польскими последователями, выступает оригинальным способом снятия противоречий социогуманитарного знания через концепты многослойности, жизненного мира, конкретизации (Ingarden, 1989).

Ингарден решает проблемы гносеологии и онтологии через учение об онтической многослойности. Здесь мы становимся свидетелями спайки познания и бытия в одну социо-онто-гносеологическую парадигму. Вопрос о достаточности оснований познания нельзя решить без определения статуса объекта.

Онтология есть чистая философия, посредством которой мы открываем и устанавливаем необходимые связи между идеальными качествами, благодаря интуитивному анализу содержания идей. Феноменология литературы Р. Ингардена ставит вопрос не о наличном существовании, а о возможном существовании, а также о необходимых условиях существования различных объектов: абсолютно твердого тела, числа π , первого человека, конституции, цивилизация на Земле через 100 тысяч лет и т. п.

Учение о многослойности социокультурных объектов является продолжением феноменологической редукции (вынесением за скобки опосредованных суждений) и выдвижением непосредственной связи между предметом и сознанием.

Метафизический аспект трансцендентального «я», разработанный Декартом – Кантом – Гуссерлем, у Ингардена дополняется категориями интенциональности, интерсубъективности и жизненного мира. Чистое «я» используется лишь как точка сборки, отправной момент для социокультурного покрытия. Социокультурная феноменология исходит из того, что множество трансцендентальных субъектов созидают мир культуры и проблема Другого – это прежде всего проблема работы с социокультурными стратегиями интенционального мира художественной литературы. Другой – это закрытый жизненный мир со своими целями, ценностями, истинами. «Обрастая» жизненным миром, трансцендентальное эго становится обусловленным эго, и примирить его с иными жизненными мирами – задача образования с его идеей плюральности мира. Контакт между разными жизненными мирами осуществляется через вчувствование, описание значений иной культуры. Поэтому переход от формальной логики и онтологии к теории культуры и эстетики является вполне закономерным.

Различие интерсубъективных горизонтов делает невозможным осмысленную личностную коммуникацию и трансляцию ценностей. Н.Т. Абрамова анализирует рассогласованность жизненных миров отца и сына Честерфильдов. Первый жил отдельно и писал сыну назидательные письма, однако отстраненность жизненного мира второго сделала нравственные послания отца коммуникативно пустыми (Абрамова, 2009: 184–188).

Игнорировать смысловые структуры *Lebenswelt* (жизненного мира) в социогуманитарном познании, как это делает, например, материализм, по меньшей мере, наивно. Утверждать, что эмпирическое ненаблюдение смыслового объекта (душа, сознание, Бог, свобода, совесть, конституция и т. д.) означает его несуществование, будет некорректно. С позиции социокультурной феноменологии, смысловые объекты относятся к другому классу существования объектов, сохраняя при этом возможность воздействовать на индивидуальное и общественное поведение.

Исследуя возможные отношения между сознанием и миром на примере художественной литературы, Р. Ингарден выделяет три вида онтологии: материальную, формальную и экзистенциальную. Первой будут соответствовать такие понятия, как «электрический ток», «растение», «животное»; второй – «треугольник», «линия», «точка», «число»; третьей – «ценность», «матрилокальность», «популярность» и др.

Экзистенция Ингардена не является ни признаком, ни сущностью, ни формой объекта. Экзистенция – это всегда бытие чего-либо; то, что существует в определенной модальности. Модальное существование определяется принадлежностью вещи. Модусы бытия состоят из экзистенциальных дуальностей: раздельность – нераздельность, автономия – гетерономия, единство – различие и т. д.

Деривация – это возникновение существования, а контингентность – его продолжение, причем в разных вариациях, ведь последнее означает вариативность будущего. Существование будет, но каким оно будет, мы не знаем. Гетерономия – это полностью интенциональное существование (литературное произведение, закон, расписание).

Когда мы называем понятия «водород», «теплород», «эфир», «русалка», «инопланетянин», «Евгений Онегин», «равенство», то пользуемся одним языком, забывая при этом различать их экзистенциальные модусы. Споры возникают из-за того, что мы смешиваем разные модусы высказывания: «корабль – это мачтовое судно с полным парусным вооружением» и «если бы мы создали комиссию для проверки пригодности корабля, он бы не затонул».

Аристотель во второй главе «Риторики», обсуждая ее предмет, как раз поручает ей заниматься исследованием вероятного. В этом смысле она свободнее, чем формальная логика, которая не может вынести заключение по поводу понятий и суждений, зависящих от модуса возможного существования.

Контингентные высказывания дают не объективное знание, а лишь субъективное мнение, валидность которого зависит от нескольких факторов: 1) нравственной квалификации говорящего; 2) наличия теоретических знаний и опыта в предмете высказывания; 3) опоры на рассудок; 4) отсутствия конфликта интересов. Последний фактор особенно интересен в свете охватившей современность тренда на контингентность мира: синергетику (самоорганизация будущего нелинейна, коридор вероятности выстраивается самыми незаметными акторами), коммуникативистику (медиа есть послание), трансерфинг реальности (визуализация будущего способствует достижению цели).

Феноменология литературы Р. Ингардена наполняет классическую проблему существования понятий новым содержанием. Учитывая, что сознание генерирует разные концепты в разных модусах, сюда попадают чисто интенциональные объекты: «русалка», «медуза Горгона», «Евгений Онегин»; идеальные объекты: «несжимаемая жидкость», «идеальный газ»; абсолютные-возможно-интенциональные объекты: «Яхве», «архангел», «Иблис». Некоторые пустые понятия образованы путем смешения ассерторической и алетической модальности: «жизнь на кремниевой основе», «внеземная цивилизация». Отдельную сложность представляют гетерономные и контингентные понятия, такие как «вечный двигатель», «круглый квадрат». Они не являются экзистенциально независимыми и оригинальными. Их основа – это экзистенциально автономные понятия, отражающие реальное («двигатель») или идеальное («квадрат») бытие. При добавлении гетерономных свойств образуются «понятийные кентавры», вносящие сумятицу в познание. Одновременно с этим остается еще проблема общих понятий и уровня абстракции, которая также усложняет ситуацию.

Субъектно-предикатный модус коммуникации подсознательно подталкивает нас к тому, чтобы считать все понятия существующими. Вместе с тем существование пустых понятий – это одна из тупиковых ситуаций формальной логики, когда окончательных и общепризнанных способов преодоления этих парадоксов не найдено. Подход Р. Ингардена важен для темы понимания статуса пустых понятий, потому что он ставит себе задачу обнаружить вещи как они есть, вынося за скобки репрезентативную и эпистемологическую стороны.

Р. Ингарден уточняет идею Э. Гуссерля о мире как о порождении сознания и выделяет для сравнительного анализа предметы, состояния, отношения, идеи, воображаемые объекты. Это делает

феноменологию Ингардена более конкретной и реалистичной, наделяет ее множественностью и субстантивностью.

Бытийный статус у Р. Ингардена имеют индивидуальные предметы, идеи, идеальные качества. Отдельно он рассматривает составные объекты, например технические устройства, состоящие из множества деталей. Онтические составляющие не смогли бы существовать сами по себе. Бытие индивидуальных предметов наиболее отчетливо: они непосредственны, обособленны, автономны, темпоральны. Статус понятия «памятник Петру I “Медный Всадник” на Сенатской площади Санкт-Петербурга» весьма понятен. Это индивидуальный предмет, конкретный, имеющий автономное существование во времени и пространстве как физический объект. Но как быть с понятием «масса Гром-камня под памятником “Медный всадник”»? Понятие «масса» в принципе является исторической единицей механики, это мера, наряду с числом, линией, точкой. Это понятие есть скалярная абстракция для определения инерционных и гравитационных свойств. Будучи свойством, масса зависит от тела и поэтому не индивидуальна. Однако есть утверждение, что «масса Гром-камня составляет порядка 1500 тонн», т. е. этот конкретный монолит, найденный в окрестностях деревни Конная Лахта казенным крестьянином С.Г. Вишняковым, имеет определенную массу. Масса пьедестала «Медного всадника» становится понятием с индивидуальным свойством, а «масса вообще» или «средняя масса» выступает уже универсалией.

Нужно различать онтическую формальную структуру вещи (ее «скелет») и интенциональную структуру. Так мы возвращаемся к кантовскому разделению вещи-в-себе и субъектно-предикативной вещи-для-нас. Только здесь *ding-an-sich* – это несамостоятельный предмет без наблюдателя, который, как настаивает основатель спекулятивного реализма К. Мейясу в книге «После конечности: эссе о необходимости контингентности» (2006), не может существовать в отсутствие свидетеля. *Thing-in-itself* – это собственно «чтойность» (*τὸ τί ἦν εἶναι*, *quiddity*), т. е. сущностные свойства предмета, без которых он не мыслится. Например, у понятия «банковская карта» есть одно родовое (платежный инструмент безналичного расчета) и два видовых качества (выполненный в пластике по международным стандартам ISO и имеющий микрочип). Иные ее атрибуты относятся к несущественным свойствам, т. е. не определяющим ее сущность. Она может быть дебетовая и кредитная, локальная и международная, предоплаченная и нет, овердрафтная и нет, с лимитом и без, иметь статус «стандарт», «голд» или «платинум», быть соединенной с одним

счетом или несколькими, быть виртуальной или с материальным носителем и т. д.

Разделение на вещь-для-нас и вещь-в-себе – это умозрительный акт, который представляет нам взгляд на объект до нашего непосредственного восприятия. Эта феноменологическая функция подходит и к пустым понятиям, когда мы пытаемся ретроспективно выяснить онтологический статус понятий «вечный двигатель», «жизнь на кремниевой основе», «несжимаемая жидкость», «идеальный газ», «круглый квадрат», «русалка», «медуза Горгона», «Евгений Онегин», «клад древних монет, найденный А.С. Пушкиным», «внеземная цивилизация», «корни для уравнивания теоремы Ферма», «вода», «водород», «любовь», «бытие», «число», «фигура», «движение» и т. п.

Пустые понятия – композиты, они состоят из разных онтических частей. Так, «выступление команды КВН перед И.В. Сталиным» является пустым, но состоящим из разнородных элементов, имеющих правдоподобный статус: «И.В. Сталин», «команда КВН». Неправдоподобный статус понятие приобретает, когда мы соединим элементы, не имевшие истории онтических взаимодействий. Однако для того, чтобы распознать это, необходимо обладать контекстуальными знаниями. Сегодня, в эпоху дилетантизма, вполне привычными стали пассажи про «древнерусских витязей, которые маршировали по плацу» или про «боярыню, закусившую маринованным огурчиком». Подобные исторические ляпы не всегда распознаются неискушенной аудиторией.

Заслуга Р. Ингардена в том, что он отделил идеальные объекты от интенциональных. Идеи не связаны временной зависимостью, в отличие от индивидуальных предметов. Интенциональные же объекты, как и идеи, существуют дольше самих вещей, но являются социокультурно обусловленными. Так, опера А.П. Бородина «Князь Игорь» в изначальном варианте существует в архиве, и если специалисты вспомнят про это, то она может снова зазвучать без редакции других композиторов. Однако если этого не произойдет, то интенциональный объект может быть забыт и утрачен. От него отличен идеальный объект: например, теорема Пифагора была воспроизведена в разных древних цивилизациях: Египте, Вавилоне, Китае. Свойства числа и фигур являются автономными, в отличие от интенциональных объектов, которые производны от коллективного сознания.

Все качества пустого предмета имеют такую же сущность, как и сам предмет. «Масса марсианского динозавра» – такое же пустое понятие, как и сам динозавр. Подлинно экзистенциально независимые

объекты – это геометрические и числовые соотношения, абстракции и т. п.

В многослойной онтологии Р. Ингардена бытие Бога выделяется в отдельный абсолютный домен и аргументируется в духе традиционного католического богословия Фомы Аквинского: Бог – это онтологическая категория, которая не имеет причинностей, но сама является источником существования для других сущностей (Soniewicka, 2008). Тема абсолютного бытия лишь штрихами прослеживается в творчестве Ингардена, однако появляется она рано – как часть исследования метафизических свойств (Tomaszewska, 2014).

В годы работы в Польше Ингарден повлиял на становление католической феноменологии. Его преподавание феноменологии увлекло К. Войтылу (будущего папу Иоанна Павла II), который в дальнейшем оставался на позициях религиозной феноменологии, по-прежнему остающихся привлекательными для католицизма (Póltawski, 1999; Póltawski, 2002)¹. Показательно, что издательство Папского университета Иоанна Павла II выпустило альманах, где соседствуют тексты богословов (Юзеф Тишнер, Кароль Войтыла, Кароль Тарновский и др.) и философов (Роман Ингарден, Владислав Стружевский и др.), – сборник этот называется «Польская феноменология и христианство» (Gomułka, 2014).

Ученица Р. Ингардена Анна-Тереза Тименецка соединяет креативность, духовность, процессуальность, конститутивность в емкую феноменологическую категорию *life*. Душа выступает у нее основой жизненных сил, открытым источником развития, а Логос – проводником по извилистым путям духовно-религиозного развития разных культур и цивилизаций. Каждое движение человека обусловлено жаждой совершенства, а препятствия в повседневной жизни открывают новые пути, привлекающие нас своей неизведанностью (Tymieniecka, 1988; 1994).

Таким образом, конститутивный потенциал философии Р. Ингардена был раскрыт его польскими последователями, которые подняли идеи этого мыслителя на новый уровень.

Выводы

Свой интерес к феноменологии Р. Ингарден реализовал, работая с художественной литературой. Именно она послужила прекрасным

---

¹ Религиозная феноменология является наиболее сильным направлением в Польше, по количеству упоминаний оставляя позади неотомизм и персонализм (Gumiak-Kosikowska, 1997).

материалом для исследования «идеального мира» и «потока сознания». Переживание произведения искусства дает уникальный опыт, в котором открывается существование особого рода: наличные объект искусства, его смыслы, значения и связи между художественным объектом и сознанием. Литературное творчество предоставляет феноменологу все возможности по раскрытию феноменов сознания и общества в объективированном виде, ибо оно содержит в себе отраженный социальный опыт. Художественное произведение поэтому совмещает несколько планов повествования. Автор то масштабно охватывает всю эпоху, то обращает свое внимание на переживаниях одного героя. Трансгрессия чисто эстетического происходит следующим образом: Р. Ингардена интересуют смыслы, которые транслируют произведения литературы, музыки, архитектуры, а также то, как эти смыслы связаны с сознанием, обществом и физическим миром.

Феноменология Р. Ингардена достаточно сильно отличается от базовых идей Э. Гуссерля. Ингарден создавал не столько теорию литературы, сколько «онтологию» литературных феноменов. Автор этой статьи постарался показать принципиальные различия между феноменологией Ингардена и рецептивной эстетикой, выявить важные нюансы становления нового реалистического направления в феноменологии литературы. В процессе обращения к первоисточникам и материалам прояснились следующие аспекты:

1) введение в философский дискурс художественной литературы позволило Р. Ингардену развернуть феноменологию Гуссерля в онто-социальном направлении;

2) многослойность, интенциональность, жизненный мир, конкретизация – этот феноменологический инструментарий подходит для интерпретации не только произведений литературы, но и социокультурных объектов (моральные принципы, юридические законы, религиозные убеждения);

3) феноменология литературы Ингардена стирает границы между художественным и юридическим, религиозным и фантастическим, позволяя рассматривать эти символические миры в конструктивистском ключе;

4) интенциональная интерпретация литературы дает возможность уточнить способ бытия общих и пустых понятий.

Р. Ингарден – первый философ, который углубленно занимался онтологией социокультурных объектов, их статусом, стратификацией. Предложенные им идеи и понятия нашли применение в работах многих теоретиков, работающих в области эстетики и поэтики

искусства. Известно о распространении идеи «структурирования» литературы среди формалистов (В.Б. Шкловский, Б.М. Эйхенбаум, Р.О. Якобсон). Концепция смысловой полифонии литературного произведения Ингардена повлияла на таких аналитиков, как М. Дюфрен, Дж. Маголис, Н. Гудман, Дж. Левинсон. В литературе под воздействием работ Р. Ингардена сформировалась концепция обратной связи с читателем. Пражские структуралисты Ф. Водичка и Я. Мукаржовский заимствовали у Романа Ингардена понятие конкретизации и воплотили его в театре, где конкретизация происходит во время представления и понимания драматургического текста.

Литература

- Абрамова, Нина Т. (2009). *Традиции: линии конституирования общезначимого опыта*. В Павленко, А.Н. (Отв. ред.). *Философия науки. Вып. 14: Онтология науки*. Москва: Изд-во Ин-та философии РАН. 182-194.
- Тимошук, Елена А. (2008). *Интенциональность и конкретизация как формы упорядочивания мира в феноменологии Р. Ингардена*. В *Бренное и вечное: социальные ритуалы в мифологизированном пространстве современного мира*: Мат-лы Всерос. науч. конф. Великий Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого. 334-337.
- Gołaszewska, Maria. (1993). *Roman Ingarden. Człowiek i dzieło*. Kraków: Jagiellonian University.
- Gomułka, Jakub, Tarnowski, Karol, Workowski, Adam (Red.). (2014). *Fenomenologia polska a chrześcijaństwo*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Papieskiego Jana Pawła II w Krakowie.
- Gyrniak-Kocikowska, Kristina. (1997). *Poland*. In Embree, L. et al. (Eds.). *Encyclopedia of Phenomenology*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers. 537-542.
- Ingarden, Roman. (1989). *Ontology of the work of art*. Ohio: Athens.
- Majewska, Zofia. (1995). *Książeczka o Ingardenie. Szkic biograficzny*. Lublin: Wyd. UMCS.
- Ogrodnik, Bogdan. (2000). *Ingarden*. Warszawa: Wiedza Powszechna.
- Póltawski, Andrzej. (1999). *Fenomenologiczne podstawy etyki według Karola Wojtyły*. In Pawlica, J. (Red.) *Spór o etykę*. Kraków: UJ. 203-206.
- Poltawski, Andrew. (2002). *The problem of time in the philosophy of Roman Ingarden*. In Eilstein, Helena (Ed.). *Synthese library: Studies in epistemology, logic, methodology, philosophy of science. Vol. 309: A collection of Polish works on Time and Spacetime*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers. 137-148.
- Soniewicka, Marta. (2008). *Możliwość bytu koniecznego w ontologii Romana Ingardena: czy założenia filozoficzne zawarte w paragrafie 13 Sporu o istnienie*

- świata Romana Ingardena pozwalają na przeprowadzenie dowodu ex necessario na istnienie Boga?* In: *Przegląd Tomistyczny*. T. 14. 383-405.
- Tomaszewska, Wiesława. (2014). Jakości metafizyczne w dziele sztuki literackiej i ich poznawanie. In *Studia Philosophiae Christianae*, No 2(50). 126-144.
- Tymieniecka, Anna-Teresa. (1988). *Logos and Life: The Three Movements of the Soul: The Spontaneous and the Creative in Man's Self-Interpretation-in-the-Sacred*. In *Analecta Husserliana*. Vol. XXV. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
- Tymieniecka, Anna-Teresa (Ed.). (1994). *From the Sacred to the Divine: A New Phenomenological Approach*. Boston: Kluwer Academic Publishers.

References

- Abramova, Nina T. (2009). *Traditsii: linii konstituirovaniya obshchepochimogo opyta* [Traditions: lines of constitution of universally valid experience]. In Pavlenko, A.N. (Ed.). *Filosofiya nauki. Vyp. 14: Ontologiya nauki* [Philosophy of Science. Vol. 14: Ontology of science]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta filosofii RAN. 182-194. (In Russian.)
- Timoschuk, Elena A. (2008). *Intencional'nost' i konkretizaciia kak formy uporiadochivaniia mira v fenomenologii R. Ingardena* [Intentionality and concretization as the forms of ordering the world in the phenomenology of R. Ingarden]. In *Brennoe i vечноe: social'nye ritualy v mifologizirovannom prostranstve sovremenogo mira* [Mortal and eternal: social rituals in the mythologized space of the modern world]. Velikiy Novgorod: Izdatel'stvo Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo. 334-337. (In Russian.)
- Golaszewska, Maria. (1993). *Roman Ingarden. Człowiek i dzieło*. Cracow. (In Polish.)
- Gomulka, Jakub, Tarnowski, Karol, Workowski, Adam (Eds.). (2014). *Fenomenologia polska a chrześcijaństwo*. Cracow: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Papieskiego Jana Pawła II w Krakowie. (In Polish.)
- Gyrniak-Kocikowska, Kristina. (1997). *Poland*. In Embree, L. et al. (Eds.). *Encyclopedia of Phenomenology*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers. 537-542.
- Ingarden, Roman. (1989). *Ontology of the work of art*. Ohio: Athens.
- Majewska, Zofia. (1995). *Książeczka o Ingardenie. Szkic biograficzny*. Lublin: Wyd. UMCS. (In Polish.)
- Ogrodnik, Bogdan. (2000). *Ingarden*. Warsaw: Wiedza Powszechna. (In Polish.)
- Poltawski, Andrzej. (1999). *Fenomenologiczne podstawy etyki według Karola Wojtyły*. In Pawlica, J. (Red.) *Spór o etykę*. Cracow: UJ. 203-206. (In Polish.)
- Poltawski, Andrew. (2002). *The problem of time in the philosophy of Roman Ingarden*. In Eilstein, Helena (Ed.). *Synthese library: Studies in epistemology, logic, methodology, philosophy of science. Vol. 309: A collection of Polish works on Time and Spacetime*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers. 137-148.

- Soniewicka, Marta. (2008). *Możliwość bytu koniecznego w ontologii Romana Ingardena: czy założenia filozoficzne zawarte w paragrafie 13 Sporu o istnienie świata Romana Ingardena pozwalają na przeprowadzenie dowodu ex necessario na istnienie Boga?* In: *Przegląd Tomistyczny*. T. 14. 383-405. (In Polish.)
- Tomaszewska, Wiesława. (2014). Jakości metafizyczne w dziele sztuki literackiej i ich poznawanie. In *Studia Philosophiae Christianae*, No 2(50). 126-144. (In Polish.)
- Tymieniecka, Anna-Teresa. (1988). *Logos and Life: The Three Movements of the Soul: The Spontaneous and the Creative in Man's Self-Interpretation-in-the-Sacred*. In *Analecta Husserliana*. Vol. XXV. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
- Tymieniecka, Anna-Teresa (Ed.). (1994). *From the Sacred to the Divine: A New Phenomenological Approach*. Boston: Kluwer Academic Publishers.